

Оглавление

Предисловие автора к русскому изданию.....	5
ВВЕДЕНИЕ	15
Глава 1	
ВИДЫ И МОТИВЫ ЛЖИ	29
Глава 2	
ПОЧЕМУ ОДНИ ДЕТИ ЛГУТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ.....	57
Глава 3	
ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЛЖИ.....	101
Глава 4	
ВЗГЛЯД ПОДРОСТКА НА ПРОБЛЕМУ ЛЖИ	143
Глава 5	
КАК ВЕСТИ СЕБЯ РОДИТЕЛЯМ, ЕСЛИ ИХ ДЕТИ ЛГУТ.....	165
Глава 6	
СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА В СУДЕ.....	213
ЭПИЛОГ	253
ПРИЛОЖЕНИЕ	258
ПРИМЕЧАНИЯ	260

Предисловие автора к русскому изданию

Эта книга очень личная. Хотя я использую данные научных исследований лжи и жульничества, основное внимание сосредоточено мною на моральных проблемах, касающихся семейной жизни, и в этой связи я приоткрываю кое-что из моей собственной жизни, жизни моей семьи. Книга написана моей семьей (отдельные главы принадлежат жене и сыну) и для семей. Мы ведем откровенный разговор об основе семейной жизни — честности и доверии.

Мне доставляет особую радость выход книги «Что делать, если дети врут» на русском языке. Ваша страна — родина моих предков как по отцовской, так и по материнской линии. Когда я был ребенком, дед по материнской линии давал мне послушать на патефоне русские песни. Сегодня, когда я слышу эти песни, во мне пробуждаются теплые воспоминания о нем.

Для меня как для американца, чье детство прошло в годы Второй мировой войны (в 1941 г., когда Япония напала на Перл-Харбор, мне было 8 лет), Россия имеет особое значение. Следя за развитием событий в Европе и Азии в первые годы войны, я боялся, что государства

фашистской оси могут одержать победу. Гитлер был не просто сгустком зла, для меня он воплощал личную угрозу. Гитлер хотел уничтожить всех евреев, и, хотя в семье я не получил особого религиозного воспитания, я знал, что мы — евреи.

Когда началась война, мой отец добровольцем пошел служить в качестве военного врача. Мы пересекли всю страну и поселились в небольшом городке близ военного госпиталя. Скоро я обнаружил, что Гитлер был не единственным антисемитом. В школе, которую я стал посещать, мне был объявлен бойкот — в течение трех последующих лет ребята отказывались разговаривать со мной, потому что я — еврей. Ради моей безопасности меня даже отпускали из школы за несколько минут до конца занятий. У восьмилетнего ребенка это не укладывалось в сознании. Я и по сей день не могу этого понять. Сегодня, когда я слышу о том, как в разных частях света закипает ненависть между религиозными и национальными группами, меня это уже не удивляет, но не перестает обескураживать и огорчать.

Меня радовало, что Америка и Россия были союзниками в великой битве с Гитлером. Я внимательно следил за обороной блокадного Ленинграда, а также другими сражениями на русском фронте и испытывал гордость от того, что моя страна и страна моих предков борются сообща. Я был горд своим российским происхождением. Позднее, когда я поступил в университет, это чувство гордости еще более окрепло, потому что в большинстве американских университетов студенты читали книги великих русских писателей и слушали музыку великих русских композиторов.

По окончании университета в возрасте 24 лет я был призван в армию и два года прослужил офицером, специализируясь по медицинской психологии. То был апофеоз холодной войны, и Советский Союз стал теперь вра-

гом. Меня учили классифицировать потери в возможной ограниченной ядерной войне. Я был убежден, что ядерной войны можно избежать, и дал себе слово после двух лет, прошедших под знаком подготовки к войне, посвятить себя, вернувшись к гражданской жизни, делу мира.

В начале 1960-х я принял активное участие в американском движении за мир, выражая протест против ряда милитаристских акций моей и вашей стран. Это было тревожное время: воздвижение Берлинской стены, высадка поддержанного Соединенными Штатами десанта в заливе Кочинос, Карибский ракетный кризис, война во Вьетнаме. Я начал изучать выразительные движения и жесты, но одновременно уделял время и политическим наукам, проводя исследования по проблемам, связанным с сохранением мира. Я горд сознанием того, что был одним из авторов первого национального опроса общественного мнения, который в 1967 г. показал, что большинство американцев не одобряют политику нашего правительства во Вьетнаме.

Большинство населения вместо этого поддерживали такую политику, которую не хотели принять ни Ханой, ни Соединенные Штаты: найти ответственный выход из этой ужасной войны. Задача была нелегкой, и в результате Америка с ней не справилась.

Когда немногим более 10 лет спустя, в 1979 г., меня пригласили прочитать месячный курс лекций в Ленинградском государственном университете, я с энтузиазмом принял это предложение. Мои лекции были посвящены эмоциям, выразительным движениям, а также проблемам обмана. Меня беспокоило, что моими исследованиями по выявлению поведенческих характеристик, помогающих уличить лжеца, могут злоупотребить и в вашей стране и в моей, и мой труд мог, скорее, повредить, нежели помочь, международным переговорам.

Одну из своих бесед я назвал «Почему Брежневу не надо пытаться истолковывать улыбку Картера». Я надеялся, что это заставит КГБ прислушаться к моим предостережениям, и так в действительности произошло.

В течение этого месяца у меня завязались крепкие дружеские связи, которые за прошедшие годы еще более упрочились. Как я объясню ниже, именно вследствие возникшей тогда дружбы данная книга выходит на русском языке. Необычным был для меня контраст теплоты частных дружеских отношений и холодной жесткости общественной жизни. То, что я читал о жизни в России, заставило меня ожидать чего-то подобного. Я знал, что Советский Союз — закрытое общество и что отдельный человек чувствует себя бесправным перед лицом неограниченной государственной власти. Но иное дело все это увидеть своими глазами, лично почувствовать влияние репрессивного общества. Например, студенты опасались, что их увидят беседующими со мной. После лекций я стоял в холле, всем своим видом приглашая их к разговору, а десятки студентов ходили вокруг меня, но никто не решался завести разговор. В ту пору каждый, кто общался с американцем, не имея на то официальной инструкции, попадал под подозрение и рисковал удостоиться внимания КГБ.

Встречи совершенно безобидного характера, посвященные обсуждению новейших психологических исследований и теорий, приходилось организовывать тайно.

Официальным лицом, ответственным за мое пребывание в университете, мне была высказана просьба общаться имена всех, с кем я встречаюсь. «Давайте будем реалистами, — было сказано мне, — ведь ваши чиновники потребуют от вас того же». Я пытался возразить, что на самом деле это не так, но мне не поверили. Я встречался с преподавателями и учеными, которые были уво-

лены с работы и пребывали в состоянии неопределенности, надеясь получить разрешение на выезд в Соединенные Штаты или Израиль. Мне не было позволено посетить городок, где родились мои предки, и я так никогда и не узнал причину отказа.

Я вернулся в Америку, преисполненный пессимизма относительно того, удастся ли когда-нибудь установить дружественные отношения между нашими странами. Хотя мне казалось, что вероятность этого невелика, в Америке я продолжал работать с теми, кто считал, что соглашения по разоружению между нашими странами могут быть достигнуты лишь тогда, когда советское общество станет более открытым, когда будет создана демократическая политическая структура, гарантирующая соблюдение гражданских прав. Без доверия в обществе, без взаимного доверия правительства и народа, убежденного, что правительство служит его интересам, невозможны терпимость и доверие между государствами. В те дни в рамках американского движения за мир эта идея была непопулярна. Исключительное внимание уделялось недостаткам американской внешней политики, а критика в адрес Советского Союза была очень сдержанной.

Вскоре после возвращения из России я начал писать книгу «Когда говорят неправду: ключи к распознаванию обмана в торговле, политике и супружестве». В этой книге речь шла о многих реальных примерах обмана, некоторые из них касались обеих наших стран. Выход книги в 1985 г. предоставил мне широкие возможности для выступлений перед адвокатами, судьями, полицейскими и правительственными чиновниками, занимавшимися проблемами правопорядка, внешней политики и разведки. В ходе моих контактов с этими специалистами, касающихся проблем обмана, я разработал более полную теорию относительно того, почему люди лгут, когда им удается

солгать успешно и почему иногда обман не удается. Эти размышления хотя и не были специально направлены на данную проблему, однако помогли мне в моем столкновении с первым серьезным обманом со стороны одного из моих детей. Как специалист по проблемам лжи я оказался подготовлен лучше, чем большинство родителей, тем не менее и я испытал побуждение отреагировать на предательство вспышкой гнева вместо того, чтобы использовать инцидент для объяснения своему сыну, как ложь разрушает семейные отношения. Это побудило меня к более тщательному изучению лжи в семейной жизни, к тем исследованиям и размышлениям, которые и привели к созданию книги «Что делать, если дети врут», вышедшей за год до моего второго визита в Россию.

Я активно стремился воспользоваться возможностью участвовать в недавно организованной программе научного обмена между моим университетом и Ленинградским государственным университетом. В 1990 г. я провёл в России 5 недель, в последние две недели ко мне присоединились жена и двое детей. Читая о переменах, превосходящих мои мечты и надежды, я радовался перестройке и гласности. Я обнаружил, что все изменилось, но в то же время все осталось по-прежнему. Беседовать с людьми стало легко, споры и критика стали открытыми, однако та же бюрократия, те же предвзятые и подозрительные чиновники оставались у власти.

Долгие беседы с самыми разными русскими людьми заставили меня по-новому осознать роль доверия в демократическом обществе. Находясь в России, я решил написать новую главу к книге «Когда говорят неправду», главу, посвященную лжи в общественной жизни, в частности, в Америке и России. В этой главе должны были быть описаны те ситуации, когда ложь со стороны ответственных лиц может быть признана необходимой, и в то

же время подчеркнута опасность, которая всякий раз вызывается слишком долгой ложью. Второе издание книги, в которое была включена эта новая глава, вышло два года спустя, весной 1992 г. Вот цитата из раздела, посвященного Советскому Союзу:

«Побывав в России ранее, в 1979 г., я был теперь поражен, насколько более открытыми стали люди. Они больше не боялись разговаривать с американцем, критиковать свое правительство. Мне часто говорили: “Правильно, что вы приехали именно в эту страну. Это страна лжи! Семьдесят лет лжи!” Много раз русские говорили мне, что они всегда знали о том, как много лжет их правительство. Однако за 5 недель, проведенных там, я увидел, насколько они были поражены, узнавая о все новых примерах обмана, о котором они ранее не подозревали... Многие русские почувствовали разочарование, когда узнали, что Горбачев обманывал их, скрывая подлинные масштабы Чернобыльской катастрофы...

За многие десятилетия советские люди усвоили, что добиться чего-либо они могут, лишь обходя установленные предписания. Хитрость и обман в этой стране стали нормой. Каждый знал, что законы несправедливы, система порочна и выжить можно, лишь перехитрив систему.

Социальные институты не могут функционировать, если каждый убежден, что закон надо нарушать или обходить. Не думаю, что перемены в правительстве могут быстро изменить данную установку. Сегодня ни один человек не верит тому, что говорят члены правительства о чем бы то ни было. Лишь немногие из тех, с кем я встречался, доверяли Горбачеву, а это было за год до путча. Народ не способен выжить, если никто не верит словам ни одного из своих лидеров.

Не исключено, что именно поэтому люди готовы присягнуть любому сильному лидеру, чьи заявления доста-

точно самоуверенны, а действия достаточно решительны, чтобы вернуть утраченное доверие.

Американцы шутят: “Как узнать, когда политик лжет? — Когда он шевелит губами!” Мой визит в Россию убедил меня, что русские, наоборот, все еще ожидают искренности от своих лидеров, хотя и подозревают, что те не всегда говорят правду. Законы действуют тогда, когда большинство людей убеждены в их справедливости, когда лишь меньшинство чувствует себя вправе нарушить закон. В условиях демократии правительство способно работать, только если народ в большинстве своем верит, что ему в основном говорят правду и что он вправе рассчитывать на законность и справедливость.

Никакие серьезные взаимоотношения не могут существовать при полной утрате доверия. Если вы обнаружите, что ваш друг предал вас, постоянно лгал вам ради своей выгоды, — такой дружбе конец.

Так же и семья превращается в поле боя, если один из супругов узнает, что другой неоднократно обманывал его. Сомневаюсь, что какое-нибудь правительство долго продержится, не подавляя свой народ силой, если люди убеждены, что власти им всегда лгут».

Сегодня, перечитывая эти строки, я полагаю, что они все еще имеют отношение к положению в России. Добавлю, что честность и доверие — не единственные условия. Решающее значение имеет политическая структура власти. Трудно добиться доверия, пока люди не поверят, что они имеют определенное влияние на политику своего правительства.

Было бы ошибкой полагать, что отношения между странами и народами очень похожи на взаимоотношения отдельных людей.

Силы, действующие в этих отношениях, а также типы социальных институтов, ответственных за принятие

решений и проведение политики, существенно различаются.

Даже если мы рассматриваем явления внутри одной страны — взаимоотношения правительства и народа, думаю, неверно было бы использовать те понятия, которые характеризуют отношения между родителем и ребенком, мужем и женой или между друзьями. Легко впасть в такую ошибку и персонализировать власть, поскольку она часто символизируется определенным представлением о личности лидера. Однако в условиях демократии ни один лидер не обладает непререкаемой властью; следует принимать во внимание совокупность сил, весьма отличную от тех факторов, которые привлекаются для объяснения действий индивидуума. Даже власть диктатора не является неограниченной.

Тем не менее определенные выводы относительно лжи касаются отношений и между отдельными людьми, и между правительством и народом, и между разными народами: обман не всегда является злом; он может разрушить доверие; доверие не всегда удается восстановить; чаще всего обман в конце концов раскрывается и т. д. Поэтому некоторые уроки, которые мы извлекаем из последствий лжи между народами, помогают нам понять обман между друзьями или в семье и наоборот. Есть еще одна причина, по которой доверие и ложь в рамках семьи имеют отношение к созданию справедливого и доброжелательного общественного климата. Корни наших нравственных установок по отношению ко лжи лежат в семье.

Что может сказать россиянам книга, написанная американцем о лжи, честности и доверии в американских семьях? Конечно, вам самим судить об этом, но опыт моего последнего пребывания в России заставляет меня полагать, что эта книга — и для вас. Студенты, которых я встречал в 1979 г., к 1990 г. стали взрослыми людьми,

отцами и матерями. Наша дружба обновилась и окрепла, я побывал дома у многих из них, встречался с их семьями. В одной семье я даже имел возможность прожить целую неделю. По моим впечатлениям, они сталкивались с теми же проблемами, тревогами и радостями, которые известны и мне как родителю. Они живут более тесно; у них меньше приватности, возможностей оградить свою личную жизнь от вмешательства; для них труднее доступ к услугам детских учреждений; они больше времени тратят на покупки. Но они больше, чем мы, проводят времени с членами своей семьи.

Русские славятся крепостью семейных уз. Надеюсь, мысли и пожелания, высказанные в этой книге, помогут российским семьям найти решение нелегких проблем внутрисемейного доверия и честности, а это послужит вкладом в создание стабильного общества, в котором взаимное недоверие народа и правительства станет не правилом, а исключением.

Сан-Франциско, январь 1993 г.

П. Экман